

Черенок лопаты врезался в землю мира-кладбища. Вудс Шпренгер был гробокопателем всю свою сознательную жизнь. Его тело, под пропитанной потом и пылью рубахой, было жилистым и худощавым, его движения были быстрыми и уверенными. Откидывая землю в сторону, словно находясь под влиянием гипноза, гробокопатель почувствовал, что лопата уперлась в металл. Расчистив поверхность крышки гроба, Вудс спрыгнул вниз. Поддев лопатой краешек стазисного контейнера, он попытался приподнять крышку. В ноздри цертусийцу ударил запах смерти. Он закашлялся и прикрыл рот рукой. Достав свою газовую лампу, Вудс поднял ее вверх, чтобы исследовать внутренности гроба. Данное действие являлось кощунством в представлении гробокопателей, чья работа состояла в захоронении мертвых и выкапывании гробов, чей срок пребывания в святой земле истекал. Только богачи и выдающиеся личности могли позволить себе найти вечное пристанище в земле Цертус-Минор. Они были захоронены здесь, их стазис-генераторы – отключены, и эти мертвецы могли спокойно разлагаться, как того требовала традиции мира-кладбища. Обычные гробокопатели никогда не открывали гробы без нужды, только расхитители гробниц помышляли подобными делишками. Срывание печатей с крышки гроба каждый раз вызывало у набожного Вудса дискомфорт, и он бы никогда не сделал этого, если бы не понтифик и Ангелы Императора.

Внутри гроба Вудс обнаружил останки женщины. Полуразложившийся скелет, закутанный в многочисленные одежды. Гробокопатель предположил, что она была представительницей знати какого-нибудь отдаленного мира-улья. На костяшках руки виднелись различные украшения из драгоценных металлов и камней, а на шее висело бесценное ожерелье. Пустые глазницы безмолвно взирали на Вудса, и мужчина закашлялся. Подавшись вперед, Вудс проверил системы проводов, между надгробной плитой и гробом, уходящие вглубь могилы. Потянув за проволоку, он услышал печальный звон колокольчиков, прикрепленных к декоративной детали маркера.

Рядом с надгробным камнем лежало оружие Вудса, автопушка с потертым прикладом, серпообразными обоями и длинным стволом. Это шумное оружие на раз спасало ему жизнь, особенно при первых штурмах. Вместе с Дональбэйном он держал оборону своего участка, вместо того, чтобы поддаться ужасу и безумию, как остальные жители, сражавшиеся рядом с ним.

Выбравшись из могилы, Вудс подобрал небольшой камень и вставил его в рот каменного херувима. Он услышал негромкий скрежет по камню, пока камень падал по трубе, соединявшей надгробный камень и контейнер.

Проверка этих защитных механизмов входила в обязанности церковнослужителей. Вудс лишь раз присутствовал на эксгумации трупа. Это произошло на кладбище Восточного Асфодила, неподалеку от его дома. Его позвал отец Деодат, проходивший мимо священник, который услышал звон колокольчиков. Отец Деодат, Вудс, Дональбейн и несколько других копателей из ксенопоста обнаружили место, откуда доносились звуки и приступили к раскопкам. Колокольчик звучал все сильнее, и вскоре жители мира-кладбища откопали могилу и обнаружили там офицера Имперской Гвардии – драгуна в полном боевом облачении, в шлеме и с саблей в руках. Офицер был ошеломлен, и почти сошел с ума от приступа клаустрофобии. В темноте его трясущиеся пальцы обнаружили провода и, поняв, что они служат неким сигналом, офицер стал судорожно тянуть их, надеясь на то, что кто-нибудь скоро обнаружит его.

Вудс больше никогда не видел этого офицера. Отец Деодат рассказал гробокопателям историю драгуна. Гвардеец был частью истребительной команды, посланной на мир Ясаргил, чтобы предотвратить нашествие к'ниб. Последнее, что помнил офицер, это то, как его ужалило ядовитое растение, и он направился в полевой госпиталь. Деодат предположил, что вызванный шипом паралич приняли за смерть, и тело полковника отправили в стазис-гробе из Ясаргила до Пиры, а с его родного мира – до Цертуса-Минор. Когда неземной токсин полностью вышел из его тела, драгун с ужасом обнаружил себя в могиле. Неподалеку слышались удары лопатой его сводного брата Дональбейна. Наружу вылетали комья и упали в аккуратную горку, рядом с ямой. Дональбейн также был копателем и жил в том же селении, что и Вудс.

- Это – безумие... - пробормотал Вудс.

Он огляделся. Неподалеку, местные жители катили тележки с бочками прометия, используемого для сжигания мертвых тварей по всему периметру оборонительных сооружений. Горючая жидкость превращала тела демонов в пепел.

- Так приказал понтифик, - отозвался Дональбейн.

Вудс не заметил, как брат закончил копать. Дональбейн был выше и толще своего сводного брата. Копатель вырыл яму в рекордно быстрые сроки и теперь весь обливался потом. Цертусийцы заметили несколько космических десантников из Ордена Сдирателей, стоящих за укреплениями защитного периметра. Воин Адептус Астартес наблюдал за ними и другими местными жителями, сжигавших тела павших воинов и сущностей варпа. Дональбейн вздрогнул. Он не имел ни малейшего представления, насколько остры улучшенные слух и зрение космических десантников.

- Ангелы отдали такой же приказ, поэтому возвращайся к работе.

Вудс подумал о тысячах могил, окружавших защитный периметр. Могилы располагались в месте, где заканчивался некроплекс, и начинались окраины города. Могилы, ставшие свидетелями самых яростных сражений, когда орда демонов топтала их, а боевые расчеты и благословенные орудия Адептус Астартес выкашивали их ряды.

- Безумие, - повторил он.

Он наблюдал за движением двух фигур, аккуратно обходящих могильные плиты с пропитанной ихором землей, на которой валялись тела поверженных монстров. Первая фигура была его женой, Гуди, в шляпе, обернутая шалью, в сапогах из овечьей кожи. Ее тонкое, бледное лицо было угрюмым, но в данный момент она была для него самой красивой женщиной на свете.

Гуди держала за руку их дочь, Низетту, второй рукой женщина прикрывала девочке глаза. Она не хотела, чтобы ребенок видел ужасные тела демонов варпа, которых они аккуратно переступали. Низетта держала в руках самодельную куклу Святой Астрид. Сердце Вудса забилось быстрее. Он выбрался из ямы и крепко обнял их обеих.

- Папа! – произнесла Низетта, почувствовав, как его губы целуют ее лоб.

Вудс поцеловал Гуди, все еще крепко сжимая жену и дочку, ощутил давно забытую страсть к своей любимой жене.

- Вудс... - произнесла она.

Он покачал головой.

- Все будет хорошо, - перебил он Гуди. – Вы будете в безопасности. Это – самое важное.

- Папа, останься с нами, - заплакала девочка.

- Не могу, моя радость.

- Нет, папа, нет...

- Ты должна быть сильной. Ты спрячешься и будешь в безопасности, а папа должен сражаться, ты же знаешь. Помнишь, как папа сражался, когда вы остались с тетей Мерельдой, рядом с могилой великого Умберто.

- Папа!

- Спокойно, дитя. Я буду рядом с ним, - улыбаясь, произнес Дональбейн.

Гуди обняла своего названного брата.

- Где твоя сестра? – спросил он.

- Мерельда в пути, с мальчиками, - ответила Гуди, возвращаясь к мужу.

- Ты все взяла? – спросил ее Вудс, пока Дональбейн брал Низетту на руки.

- Все, что велел взять понтифик, - ответила женщина, стаскивая с плеча тяжелый рюкзак.

Она вытащила одеяла из сумки, и ее взгляд упал на могилу позади Вудса, открытый гроб и скелет женщины внутри.

- Святой Трон, - воскликнула она, закрывая рот ладонью.

- Не смотри туда, - произнес Вудс, беря одно из одеял и прикрывая высохший труп.

- Мы можем убрать ее? - спросила испуганная Гуди.

- Нет, иначе враг почует неладное и обнаружит вас, - произнес Дональбейн, поглаживая племянницу по голове. - Кроме того, осквернение могилы - уже само по себе грех. Убрать тело до истечения срока действия? Это - недопустимо.

- Что еще ты принесла с собой?

Гуди показала мужу внутренности рюкзака, где лежали паек и фляжки с водой, наполненными святой водой из городского фонтана. Также там лежали небольшая лампа, и несколько черных лилий. Цветы росли вдоль берегов цертусийских озер и использовались для изготовления венков для могил. Гуди взяла их, чтобы убрать смрад могилы. Вудс заметил небольшой ножик. Небольшое лезвие с рукояткой в виде стилета. Он встретился глазами с женой и слабо кивнул. Если события пойдут не по плану и провизия иссякнет, нож окажется самым ценным из собранных ее предметов.

Вудс взглянул на Гуди, ее бледное, но красивое лицо. Дональбейн кивнул. Глаза Вудса устались во тьму неба, копатель понимал, как мало времени отвела им судьба. Опустив глаза, он заметил несколько Сдирателей, стоявших рядом с развалинами укрепления. Десантники молча наблюдали за ними.

Ангелы Императора казались статуями в своей священной броне, невозмутимые и за пределами человеческого понимания.

- Ну ладно, - наконец произнес копатель, запоминая последние мгновения со своей женой. - Полезайте внутрь, быстро.

Копатель помог жене спуститься в могилу. Забрав дочку из рук ее дяди, Вудс поцеловал Низетту и передал испуганного ребенка в руки жены. Гуди улыбалась, при данных обстоятельствах этот простой жест, показывающий всю силу и низгибаемость ее натуры, вызвал слезы на грубом лице ее мужа. Мать и дитя разместились рядом с хозяйкой могилы. Используя рюкзак в качестве подушки и накрывшись одеялом, Гуди и Низетта не отрывали взгляд от Вудса и Дональбейна.

- Помните, - начал Вудс, - звоните в колокольчик только когда услышите, как звонят остальные. Ждите столько, сколько сможете. Вы не должны привлекать к себе внимание врага.

Гуди кивнула.

- Выживи, - произнесла она. - Вы оба.

- Мы скоро встретимся, - ответил Вудс.

Обойдя могилу с другой стороны, Дональдейн использовал лопату, чтобы закрыть крышку.

Уперев кончик лезвия лопаты в ржавую крышку, он надавил на нее, полностью запечатывая металлический контейнер. Вудс постучал кончиком своей лопаты по крышке и тут же услышал ответный стук. Пока Дональдейн ждал Мерельду с его собственными детьми, копатели стали перебрасывать священную цертусийскую землю на крышку гроба. При каждом взмахе Вудс качал головой. Он никак не мог смириться с мыслью, что в данный момент он заживо закапывает свою жену и дочь. То же самое чувствовали и другие отцы, мужья, братья и сыновья, заживо погребавших своих любимых.

Единственная вещь, заставлявшая его руки двигаться – было осознание того, что под землей им будет безопасней, чем над ней, когда на планету прибудет Злобость. Они переживут резню вырождающих Хаоса. Закопав могилу, Вудс взял в руки автоматическую винтовку. Сотворив знамение аквилы, он встал на колени перед могильной плитой. На ней было написано: «Эрзебет Дорота Каталлус». Он не забудет это имя. Внутри него росла холодная уверенность. Ярость, которую он испытывал к захватчикам, пришедшим захватить эту крохотную часть Империи. Неся оружие и лопаты, жители мира-кладбища стали подниматься назад к своим укреплениям, занимать позиции и готовить себя к предстоящей войне.

Я немного понаблюдал за происходящим. Что такое руководство? Момент вдохновения, всплеск идеи или неожиданное понимание стратегии. Абстрактная форма, принимающая очертания через слова и приказы, находящая мгновенный отклик в сердцах людей. Даже ангелов нужно вести к победе. Лояльность. Гордость. Доверие. Действия. Перед твоими глазами командование становится реальностью. То, что ты видел в упорядоченном, бескровном театре своего разума, выливается в выхватывание мечей и взведение ударных механизмов.

Все это перетекает в кошмарную версию твоих воображений, насыщенную смертельными, невидимыми движениями, страхами. Вот, что значит командовать, ступать ботинком на спокойную, кристальную поверхность возможности, и вызывать брызги, обнаруживая себя в шлеме среди бурлящих фонтанов крови твоих братьев.

Стоя на вершине периметра укреплений, я обзираю гибельные поля. Море отвратительных тел на могильной архитектуре мавзолея, кладбищенских плитах и статуях. Среди всего этого – местные жители. Те, кого я должен защищать. Обязанность, ради которой я был выращен. Небольшое бремя Императора, возложенное на мои плечи. То, что было тихим безумием стратегии, появившейся в моем разуме, теперь войдет в историю. Я приказал понтифику, а он, в свою очередь – местным жителям. Тысячам цертусийцев приказали закопать живьем их любимых. Краткая вспышка смертного существования, ярко горящая под землей, куда не проникнут разумы кровавых одержимых.

На мгновение мне кажется, что мой призрак вернулся. Я не видел его какое-то время. Там, где он только что скрывался в тенях – лишь пустая чернота. Его мертвые глаза смотрят на других несчастных. Я должен почувствовать облегчение. Постепенно я стал привыкать к вниманию этой сущности и ощущать его присутствие, но до конца не мог понять – действительно ли это

существо из потустороннего мира или просто игра моего больного воображения. Ни одно из этих предположений не предвещало ничего хорошего, поэтому я должен позволить себе немного расслабиться в его отсутствие. Но я все еще всматриваюсь. В мерцание Долгой Ночи, отражение зеркальной темноты.

Я чувствую присутствие своих братьев, стоящих рядом. Бессмертные на обломках палисада. Как и я, они пришли посмотреть, что сделают люди по приказу ангела. Мы безмолвно наблюдаем, как люди закапывают своих близких, впечатленные их мужеством. Нелегко рыть могилу для своей семьи. Еще сложнее наблюдать, как они ложатся в гроб.

- Новости? – спрашиваю я.

Позади меня стоит Мелмох.

- Никаких астротелепатических сообщений, - отвечает эпистолярый. – Ничего из тех мест, куда я посылал сигналы. Могу только предположить, что комета является значительной помехой для моих способностей.

Я киваю.

- Спасибо за старания.

Я продолжаю наблюдать за цертусийцами, выполняющими свою неблагодарную работу.

- Думаешь, земля скроет их присутствие?

Эпистолярый обдумывает вопрос.

- Это место пропитано смертью, - делает заключение библиарый. – Эта земля – священна и имеет свою силу. Мы видим то, что ожидаем увидеть. Враг увидит кладбище. Он почувствует утрату. Он ощутит смрад смерти. Слуги Кровавого Бога – воины. Их цель – убивать. Их оружие – бойня, а не лопата. Я думаю, эти люди – в безопасности.

Я киваю в подтверждение слов библиария и благодарность за его поддержку.

- Что если никто не выживет? – угрюмо спрашивает главная плеть Скейс, его разум переполнен кровавыми мыслями.

- Тогда мы проиграем, - отвечаю я, и это – факт. – Мы будем гнить сверху, пока те, кого мы поклялись защищать, будут умирать под нами. Поэтому мы должны сражаться. Сражаться и выжить. Последователи Кровавого Бога пришли сюда повоевать, и мы дадим им бой. Тем самым мы лишим их долгожданного приза – бойни невинных и уничтожения этого мира. Мы

сражаемся, чтобы победить, но если мы проиграем и погибнем – я хочу знать, что нашей смерти будет достаточно, чтобы насытить их жажду и убратся отсюда. Кровавый Бог упустит свою цель, словно плохой стрелок, а его рабы подведут своего господина. Цертус-Минор не превратится в мертвую планету, утопленную в море крови. Жители этого мира выживут, и Имperiум будет знать об этом. Если сердца смертных продолжат биться, значит у других миров появится надежда. Они узнают, что Злобость можно победить. Это знание разожжет пламя в их разумах и наполнит сердца надеждой. Возможно, мы не остановим здесь Черный Крестовый поход. Возможно, мы не выживем. Но если мы падём, мы дадим надежду, как смертным, так и бессмертным, на то, что они могут победить. Пусть это станет нашим наследием.

За моей спиной появились брат Мика и капеллан Шадрат. Капеллан одарил меня буравящим взглядом своего череполикого шлема.

- Брат Нова принес новости с «Апотеона». Корабль вступил в бой с противником. Они докладывают об огромном флоте Хаоса, бесчисленном количестве кораблей. Воины и рабы Кровавого Бога. Они на подходе. Злобость уже здесь.

- Понтифик? – спрашиваю я.

Мика и капеллан Шадрат расходятся в стороны. Позади них стоит сестра битвы в кобальтовой броне, в ее руках болтер, а по бокам – два болт-пистолета. Палатина Сапфира из Ордена Августейшей стражи.

- Понтифик Олифант – в безопасности, – произносит Сапфира. – Он – в подземелье Умберто Второго с другими священниками и всеми, кого мы смогли туда поместить.

- Понтифик рассказал мне о вашем плане, – продолжает сестра. – Это я должна благодарить вас. Мои сестры думали, что вы планируете использовать цетусийцев в качестве наживки для врага.

- Я рад, что разочаровал их.

- Дверь подземелья – толстая и сделана из адаманта. Она выдержит даже самый яростный штурм. Я приказала отделению своих сестер охранять вход, ими командует мой самый верный офицер. Я и остальные готовы оборонять этот город и исполнить волю Бога-Императора.

Я протягиваю свою перчатку и пожимаю ее.

- Твое участие более чем приветствуется, сестра, – говорю я. – Это честь – сражаться с вами.

Шадрат делает шаг вперед, его взгляд обращен к небесам.

- Капеллан?

Он аккуратно снимает свой шлем, обнажая лицо. Первый раз я вижу его лицо. Седые волосы, не улыбающийся рот, уверенные черты лица, напоминающие черты примарха. Как и Деметр Катафалк до него, Шадрат был благословлен чертами истинного ангела Императора. Я слежу за его взглядом и замечаю вспышку пушечного выстрела, произведенного из кормового орудия могучего «Апотеона».

- Занять посты, - раздается грозный крик Шадрата, его глаза все еще неотрывно следят за небесами. - Рогал Дорн ждет нас у Вечных Врат.

Мы киваем и расходимся по позициям, слова капеллана все еще звучат в наших ушах. Мы молчим, так как нам нечего добавить к ним.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/668623>